

А. ШИШКИН.

Из цикла «Шахта — жизнь моя»

Шахта — жизнь моя.
Шахта — суть моя.
Хоть непрямая,
Мучит сутнами,
Близке чем на «вы».
Не знакомство —
Все равно привык —
Не опомнись!
Держит штреками,
Мной ведь пройдены.
В мерном стреноге —
Отклик вроде бы,
Принимай ладной,
Мне не высказан.
Той любви больше!
Шахта — жизнь моя.

«Остатки забытых растений» —
Припомнилась фраза из книг
В забое, где шло полутени
И мы — продолжение их.
Комбайновый грохот неустой,
Но вот на минуту затих —
И слышатся шорохи листьев —
Осенних до хруста сухих.
Ни всплыви пороги, ни пыли,
Ни боли, садящей в руках —
Опавшие листья поплыли
Из древних в ивы века.
А дома у печи усталый,
Шумовку поставив у ног,
Я видел: они прорастали,
Растения древних эпох.
Они зацветали нездешне
И мертвые, чудо храя.
Каким-то волшебном вешним
Насловоз прожигали меня.

Как будто на другой планете,
Непостижимой для меня —
Иду привычные приметы,
Пытаюсь что-нибудь понять.
Мне говорят: «Бери облопок!»
А я растеряно гляжу
Под вагонетками, за трапом
Я ничего не нахожу.
И слово странное, как мерку,
Леплю к увиденному мной,
Но все в неузнаваемости меркнет
И прорастает таинной,
Мысль неуловиме, трудно, остро
Полумещается в слова...
А пообвынешь — в шахте просто,
Как в старших классах
Дважды два.

Подвох (ШУТОЧНОЕ)

— Вы, случайно, не начальник? —
Ткнул кто-то за плечо.
— Не начальник, — отвечаю,
Зайкась, — новичок.
— Ах, так ты горнорабочий?!
А гуляешь, будто пан.
А бригаде, между прочим,
Каждый день дается пан.
Я, признаться, не задира,
Но и ты не будь спесив:
Добег до бригадира
Подзатыльник попроси.
— Что?
— Сказал же: подзатыльник —
Инструмент такой, Иней.
Да назва бети не сильно.
Подзатыльник не разбей.
И бегу — язык на плеч —
И подохо не пойму.
— Там... товарищ... делать нечего...
Подзатыльник бы ему.
Бригадир, услышав это,
Хотал, улазничком...
В хитом много инструментов
Для проверки проточков.
☆☆☆
А мама беспоконит.
Я говорю: «Не надо».
Но она, как в бессоннице
Глаза, — сквоззть темень сада.
Я про забой, как
☆☆☆
Три короба известий,
Они все в след с завалини
Украдкой перекрестит.
Ладонь согнула лодочной.
Теребит ветер прядки.
На подлинной кобточке
Чуть вздрагивает складки.
Я ж не на лядине и полюсу.
...А мама беспоконит.

ПОЛУСТАНОК затерялся в снежной змяти и нет к нему ни троп, ни дорог. Вздохи-настои несколько доминок с трудом выглядывают из-под снега. Завалии до самых карнизов. Небольшие окна роскошь желтых полуокругов стараются преодолеть загустевшую тьму, но тщетно. Только оточенные до блеска струйки рельсов незримо связывают полустанок с большим миром.

Из дежурки вышел начальник Иван Михайлович Суровцев. В лицо ударила сухая ветер, и черная шинель тут же стала сесть. Суровцев поджал воротник и зябло передернул плечами. Ему нравилось встречать и провожать ночные пассажирские поезда.

Из тьмы, издалека, послышатся ритмичные вздохи. Поначалу беззвонные, а потом выдвинутся с угрожающим шипением и перестуком колес. И словно ослепительный ураган, свет хлестнет на короткий миг во всю мощь и выверет из тьмы полустанок. Пролеснут длинной стрелой, вращающую, полусовещенные окна, и поедет вновь, уходит в глубь Сибири. Медленно гаснет красное пятнышко в дальней тьмоте.

Суровцеву на память приходит в этот момент строчка из стихов: «...Умирает красных огоньков тоска...».

Старается, но не может понять Иван Михайлович, откуда ему становится грустно, когда проходит пассажирский поезд, не может вспомнить, где и когда он слышал стихи о красных огоньках.

Иногда Суровцева охватывало такое нетерпение расчитать, сложить свои понятии в два лузатых чеходоана, и поедет вновь, уходит в глубь Сибири. Медленно гаснет красное пятнышко в дальней тьмоте.

Суровцеву на память приходит в этот момент строчка из стихов: «...Умирает красных огоньков тоска...».

Старается, но не может понять Иван Михайлович, откуда ему становится грустно, когда проходит пассажирский поезд, не может вспомнить, где и когда он слышал стихи о красных огоньках.

Иногда Суровцева охватывало такое нетерпение расчитать, сложить свои понятии в два лузатых чеходоана, и поедет вновь, уходит в глубь Сибири. Медленно гаснет красное пятнышко в дальней тьмоте.

Суровцеву на память приходит в этот момент строчка из стихов: «...Умирает красных огоньков тоска...».

Старается, но не может понять Иван Михайлович, откуда ему становится грустно, когда проходит пассажирский поезд, не может вспомнить, где и когда он слышал стихи о красных огоньках.

Суровцеву на память приходит в этот момент строчка из стихов: «...Умирает красных огоньков тоска...».

ТРУДНАЯ ПАРТИЯ.

Фотохудож В. ДАНИКОВА.

В то далекое лето и Иван Суровцев увязал с партней геологов и ушел по Алтаю искать подземные кладви. Таскал рюкзаки с порошкой, набивал седельные мешочки, мерил сутками крутые таежные тропы, наживал сухие мозоли на подошвах, кормил своей кровью жадное комарье. Потом учился в техникуме и опять вернулся на Алтай...

Отряд расположился недалеко от палеки, которой заведовал легкий старичок. Тщательно выбранный в очках, а традиционной фетровой шляпе. Раготоричи и приветлив, любил с геологами коротать время у костра. Суровцев поселился с товарищем у палекинина, Николай Казанов, весельчак, любил свою профессию, как женщину, и говорил о ней нежно, ласково. Суровцев даже завидовал тайно Николаю. Сам он не любил геологию, а жил одной мыслью, которой боялся и вслестич гнал от себя.

Через неделю, как поселились ребята у старина, на пасеку приехал его дочка. Звали ее Галиной. Своей поживностию, жалостью слушать людей она похвалила на отца. Галина у девушки была больше и спокойнее. В них будто затаилось нечто такое, что узнавать дано не каждому. И ходит она

П. ПИМАКОВ.

СИНЯЯ НОЧЬ

РАССКАЗ

со своей тайной по земле и не знает, кому ее поведать.

Иван при первой встрече остерпело усталости в эти глаза и место того, чтобы поздороваться, спросил:

— Вы откуда?

— С большой земли, — засмеялась девушка. В глазах вспыхнули мелкие лучики, обожгли Ивана. Он смутился и тут же обрадовался ее приветливости а грустному красивому голосу.

— Хорошо.

— Что хорошо? — не поняла девушка.

— А вот все. И что вы приехали...

Вечером Галина сидела у костра тепло и слушала их рассказы. Неожиданно разговорился Иван Суровцев. Тут был случай, когда один медведь-штанг забрался в палатку и наугад привиделся ночью геологов, и история с девушками-практикантками, просидевшими ночь на дереве, найдя там спасение от волков, и гибель знакомого геолога в горной реке. И даже о себе, как о чуть не погибшем при горном обвале на второй год своей работы с геологами.

Галина слушала внимательно и не спускала глаз с Ивана и Николая, который весело поглядывал на товарища и поддакивал ему.

На шумловатом остроносеньком лице девушки удивление сменялось испугом, испуг — уважением к сильным и смелым людям.

Когда Иван умолк, Галина после долгой паузы спросила:

— Что вы ищете? Важное, наверное?

— Цирконий. Стране он нужен позарез. И найти его не так просто. Вот уж сколько бьемся, а толку ни на попошку. — Галина уловила в его голосе нотки тоски и подумала: «Он найдет. Сильный он и хороший. Таких все ладает. Мне такой не быть. Но и я пойду в горы... Пойду искать... Хоть и цирконий... Спросить что это такое? Неудобно. В следующий раз». Костер покрывался полымным пелом, ветки искрились. Галину с Иваном малоознакомые для нее человеком, и от этого в душе становилось уютно, и будто возвращалась, она в свое детство, когда живой была мать, и в свободные от работы минуты ласкала ее широкой и теплой ладошкой.

Над тайгой чуть зеленело, а сверху бабочкой вспыхнула крупная звезда, она и стала часто-часто подрагивать.

Галине даже показалось, что это из других галактик таинственный человек передает ей привет.

Иван с Николаем улалились под навесом рядом с омианником. Разгореленный своими рассказами, присутствием хорошей девушки, Суровцев долго не мог уснуть. Им владело нетерпение скорей открыть месторождение циркония. И названо будет то место его именем. Ради этого стоило потратить еще один год. А там... Да что говорить о будущем. Оно будет великодушным.

Потом Суровцев с Казановым уходили в тайгу и снова возвращались. Галина встречала их на одном и том же месте — у горного ручья, у большого камня-валуна. Николай торопился к пасеке, а Иван с девушкой отставал и шли от него поодаль.

И на этот раз они встретились у камня. Валун нагрелся днем и дышал струнным жаром. Розово горели вершины далеких гор, блестями слюды вспыхивали первые звезды в небо, небольшие затончанье ручья. Ниже вода перенивалась, крутым жгутом и шумела по-старому добродушно.

Галина села на валун, посмотрела на омуток со звездами и неспеша стала говорить:

— С самого детства я чего-то ожидаю. Вот-вот оно, хорошее, и придет ко мне. Да не знаю, с какой стороны его ждать.

— Можно всю жизнь прождать корышнее. Делать его надо своими руками. Жить хорошо — не обязательно звезды с неба хватать... — Иван смотрел на отгорающиеся вершины, на сильные тени тайги.

— О звездах оно верно. Но когда человек живет оиданнее, он ищет... Вот вы ищете и ждете открытия... Стоят ради большого дела и жизни не понадеет. Мне с вами легко. Я будто выше ростом становлюсь с вами...

— Мне тоже хорошо с тобой... Завтра мы уходим недели на две. Есть у меня задумка, Галина. У старожилых тут разноколка, что в дивалити верстах река мало приметная проходила. Много я жду от нее. Ну, а там мы с тобой в город махнем. Или еще куда. Иван присел на камень рядом с девушкой и доверительно добавил:

— Дождесь моего возвращения, обстоятельно поговорим.

— Дождись, конечно. А цирконий — это флюид?

— Очень. Без него космос не одолеть. Стойким к температуре делается металл...

— Труден завтра путь?

— Труден...

— Как мне хотелось тоже пойти искать. Когда-нибудь это случится. В рассто-бледном рассвете таили неуклюжие фигуры. У большого камня, что лежал у ручья, стояла Галина и зябло куталась в серый платок. Она мысленно видела себя идущей по горным перевалам с рюкзаком за плечами, и становилось на душе радостно и одновременно обидно, что не сейчас она в пути.

Иван уходил в это утро бодрим, размышляя о своей удаче. Она должна быть. И сон даже привиделась мивушей ночью добрый. Будто забрался он на высоченную гору, в самое поднебесье, и ажнул от восторга: кругом было столько солнца, что ломло виски, кружилась голова. Кружилась со сладкой упоенностью. А потом будто бы поплыл на этих лучах, и становилось от этого необыкновенно легко.

Иван не пропустил ни одного ручья, ни одного затончанья. Работал с жестким упорством. Пробыл. Пробыл. Беспоконные пробы...

Ночами, сидя у костра, Иван бывал мечтальни и мучил. Николай обидительный и веселый по натуре, не мог долго выдерживать молчания.

— Найдем цирконий, да еще с большим содержанием гафния, ах,

(Окончание на 4-й стр.).